

В. М. Амиров

ЛОКАЛЬНАЯ ВОЙНА В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ПРЕССЫ: КОНЦЕПТОСФЕРА И ПРАГМАТИКА ДВУХ ДИСКУРСОВ

Война — явление, которое с древнейших времен сопровождает существование человеческого общества. Память о некоторых войнах запечатлена в мифах, а пантеоны включают в себя бога войны. Военная наука не только изучает стратегию и тактику войны, но и классифицирует военные конфликты, различая, например, «мировые», «региональные», «локальные» и «малые» войны¹. Мир, переживший две мировые войны и время от времени принимающий обсуждать возможность третьей, противопоставляет им войны, так или иначе ограниченные. Поэтому появилось представление о локальной войне как о войне, «ограниченной по политическим целям, пространственному размаху военных действий, количеству и качеству применяемых вооруженных сил и средств»².

Первую «книгу для всех» о любой войне в наше время пишет пресса. Именно она структурирует событие, направляет внимание общества на те или иные его аспекты, предлагает адресату различные оценки. Особое место среди разнородных СМИ занимает военная пресса, которая своим положением призвана создавать положительный образ вооруженных сил государства, что отнюдь не исключает обсуждения различных сложных моментов в жизни армии.

АМИРОВ Валерий Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького (E-mail: vestnik-va@mail.ru).

© Амиров В. М., 2007

Цель данной работы — анализ того, как военная пресса России изображает две войны — войну с Японией (1904–1905) и войну в Афганистане (1979–1989). Важно учитывать, что война в прессе описывается не одномоментно: журналисты отражают в своих публикациях ход войны, но затем в течение долгих лет опыт войны осмысливается и складывается тот ее образ, который, вероятно, и закрепится в памяти народа.

Специфика нашего материала состоит в том, что при восьмидесятилетием разрыве обе войны получают в прессе удивительно похожее отражение — не в плане материального оснащения или географии военных действий, конечно. Это сходство удобно показать, воспользовавшись методикой описания словесно закреплённых в текстах концептосфер двух дискурсов.

В качестве исследуемого материала использованы следующие публикации: *Белашов Н.* Памирский марш // Военком: Военный комментатор. 2003. № 1; *Вожин П.* Желтая опасность // Война с Японией. 1904. № 25; *Волков А.* Подвиг «Варяга» и русско-японская война 1904–1905 гг. // Православное воинство [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.voskres.ru/history/varyag2.htm>; Две нации // Война с Японией. 1904. № 6; Драгомиров о японцах // Война с Японией. 1904. № 27; *Заборский В.* Уроки русско-японской войны актуальны и сегодня // Воен.-пром. вести. 2005. 13–19 июля; *Крючков В. А.* Мы выиграли эту войну // Красная Звезда. 2004. 13 февр.; *Леховский А.* «9 рота» клеветает // Чекист.ру [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://chekist.ru/article/1098>; *Михайлов В.* Возвратились мы не все // Ветеран Афганистана. 1994. 22 дек.; *Недзведский В.* Этика человека-зверя // Война с Японией. 1904. № 21; Отголоски войны // Война с Японией. 1904. № 1; Очерк минувших событий войны до осады Порт-Артура // Война с Японией. 1904. № 1; *Плугатарев И.* Война афганская, война чеченская // Независ. воен. обозрение. 2004. № 5; *Почтарев А.* Прокляты и забыты? // Там же; *Разживин А.* Мысленно возвращаюсь в Афганистан // Там же; Русско-японская война [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://grandwar.kulichki.net/japanwar/index.html>; *Соловьев В.* Предсказания офицера-востоковеда // Независ. воен. обозрение. 2004. № 5; *Тихонов А.* Борис Громов: не надо баловаться оружием // Красная Звезда. 2004. 13 февр.; *Унгвицкий Ю.* Трагедия и уроки далекой войны // Солдат Отчизны. 2005. 14 апр.; *Шебаршин Л.* В конфликт был ввязан весь мир // Красная Звезда. 2004. 13 февр.; *Юров Д.* На всю оставшуюся жизнь // Там же; Японская мораль // Война с Японией. 1904. № 6.

Концепт как «квант знания», так или иначе «схваченный знаком»³, т. е. словом или словосочетанием, обеспечивает не только хранение опыта народа и личности, но и приобретение этого опыта. Сквозь призму устоявшихся схем человек вычленяет в воспринимаемом явлении новые детали и признаки и обогащает свой «квант знания».

Концепты естественным образом группируются, поскольку наше сознание отражает связи и взаимоотношения явлений. Так возникает фрагмент картины мира, сосредоточивший в себе знания о соответствующей сфере действительности. Мы рассматриваем концептосферу войны. Структурирование этой сферы прослеживается с помощью анализа лексических групп, каждая из которых «не просто является подборкой близких по значению слов... Соединенные здесь слова открывают перед нами то, что можно назвать “картинкой жизни”: они именуют ее определенный, узкий участок, о нем информируют и его живописуют»⁴.

Лексическое значение слова «война» («вооруженная борьба между государствами, народами или какими-то группами внутри государства»⁵), говорит о процессуальной природе явления, о его субъектах и орудийных элементах (используется оружие). Процесс этот распадается на военные действия (бой, вылазка, кампания и др.), у которых также есть субъект (армия, солдат), результатом процесса может быть победа или поражение. Лексическое окружение слова позволяет выявить типичные цели и причины войны (нападение противника, защита отечества, захват другого государства), ее тактики (партизанская, маневренная, позиционная войны) и другие составляющие данной концептуальной сферы⁶.

Функционирование единиц этой лексической группы в тексте позволяет выявить сходства и различия описаний двух войн в российской прессе. Отметим одну особенность нашего материала. Пресса 1979–1989 гг. функционировала под жесткой цензурой, публикации о войне строго дозировались партийно-политическим руководством, определявшим также их тональность и пропагандистскую направленность. По-настоящему широкое освещение это событие получило в более поздний период, после 1991 г., с появлением независимых газет и журналов.

Начнем с того, что два этих конфликта обозначаются в публикациях прессы по-разному. Война 1904–1905 гг. называется «войной с Японией», «войной Японии с Россией» или «русско-японской войной»: *Япония решила начать войну с Россией и начала ее без объявления войны; Япония приняла на себя всю ответственность за последствия войны с Россией; полководцу предстоит решить участь русско-японской войны*. Словосочетания показывают, что уже в то время журналисты улавливали суть события: столкновение двух государств, ср. трактовку современной науки: русско-японская война — это война «за господство над важными в стратегическом и экономическом отношении районами Дальнего Востока, за перераспределение сфер влияния в этом регионе мира»⁷.

Война 1979–1989 гг. обозначается в прессе как «война в Афганистане», «афганская война»: *...Афганская война оставила глубокий шрам в сердцах и душах людей в каждой из советских республик; существовала точка зрения, что война в Афганистане, в конечном итоге явившаяся одной из причин*

крушения СССР, была, несомненно, «подстроена» Америкой; мы, советские люди, войну в Афганистане выиграли. Пресса снова улавливает специфику конфликта: нет военно-политического столкновения двух государств, есть, как толкует современная наука, «гражданская война между различными общественно-политическими и гражданскими силами за власть при иностранном военном вмешательстве для поддержки противоборствующих сторон»⁸.

Мы и сейчас говорим: «война с Японией», но «война в Афганистане». В первом случае акцент делается на политической стороне события, во втором — на географической. Это далее проявляется в том, как рисуются участники событий, субъекты военных действий. В русско-японской войне этим субъектом является армия (флот): *тяжело было узнать о нападении 27 января на наш военный флот за три дня до объявления войны; армия закроет как щитом далекую нашу окраину у вод Тихого океана*. В афганской войне субъект боевых действий с советской стороны носит название «Ограниченный контингент советских войск» (ОКСВ): *Когда Ограниченный контингент советских войск (ОКСВ) вводился в ДРА, никто не мог предположить, что эта дружественная акция будет стоить более 15 тысяч жизней советских воинов и более 400 пропавших без вести*. Ср. в научной литературе: «группировка ВС СССР на территории ДРА... Всего военную службу в составе ОКСВ прошло 525,2 тысячи советских военнослужащих»⁹.

Противная сторона обозначается также не как армия, а как отряды душманов («духов»), бандиты, мятежники, моджахеда и т. д.: *были обстреляны из стрелкового оружия группой мятежников; в довершение этой пытки душман ударил его ножом в затылок; ведь и моджахеда прекрасно понимали то огромное значение, которое придается системе подвоза в военных условиях*.

В характеристиках других элементов концептуальной сферы, напротив, часто наблюдается глубинное сходство. Рассмотрим материал.

Воюющие стороны — Россия, Япония и Афганистан

Россия (Советский Союз)

Военная пресса ни первого, ни второго рассматриваемых периодов не была однозначно восхваляющей. Россия (Советский Союз) рисовалась как сильное государство: *сказывалась могучая сила русского народного духа, воспитанного в труде и терпении; миролюбие русского народа, основанное на мощи и величии тысячелетней Руси; по сравнению с Советским Союзом, находившимся в зените своей силы, здесь ощущался дух средневековья; нашему государству, сильному, крепкому, было не все равно, что происходит у его границ*.

Вместе с тем пресса отмечает недооценку российским и советским руководством противника: *русские слишком низко ценили качества своего врага, офицеры веселились... не сомневались в своем превосходстве над маленькими*

японцами... были веселы и самодовольны; незнание особенностей Афганистана, тактики душманов, идеологии не могло не сказаться на наших действиях. Это привело к просчетам, ошибкам; и мы толковывали идеи революции, социализма этим голодным людям, толковывали примитивно, как нас научили.

Япония

Российская пресса отражает процесс «узнавания противника». Действительно, это был первый опыт военного столкновения с восточным соседом. В текстах постоянно всплывает смысл «нечто новое, непонятное», возникает мотив тайны: *гигантские формы неведомой жизни, таившейся в недрах далекой Азии, стали выступать из вековой тьмы.* Активно разрабатывается смысл «столкновение двух культур — европейской и азиатской», обрисовывается неприятие Европы Азией: *понятен становится японский шовинизм, вырастающий на такой почве обоготворения всего своего. Это же обоготворение себя создает и скрытую ненависть японцев к европейцам за то, что европейцы оказываются сильнее них.*

Пресса фиксирует умение Японии приспосабливать достижения чужой цивилизации к своим нуждам: *азиатцу, язычнику доступна и нужна лишь утилитарная сторона европейской цивилизации — военная, промышленная, техническая.*

Подчеркиваются религиозные различия сторон: *японская мораль поставлена на своеобразную религиозную почву. В ее основе лежит религия микадо и японского отечества, воля благодетельных императоров Японии; раса японцев — вся божественная, избранная и высшая из прочих; старая ненависть к белой расе и христианству, затаенная злоба против властной Европы сказались с новой силой.*

Подчеркиваются этические различия сторон (причем «европейская» этика несколько приукрашивается): *старинные европейские понятия о войне, как о проявлении благородства, доблести, мужества и отваги, совершенно не совмещались с азиатской этикой, возвеличивающей такие акты борьбы.*

Наконец, отметим, что журналисты фиксируют и морально-боевые качества противника: *своими успехами в теперешнюю войну они (японцы. — В. А.) обязаны той неутомимой энергии, с которой приготавлились к войне; японец вовсе не страшен нам своей отчаянной храбростью, — этим нас не удивить, — страшен он своей проклятой точностью; японец — опасный враг именно потому, что в голове у него большой порядок.*

Афганистан

Журналисты подчеркивают своеобразную «непобедимость» страны, парадоксальное сочетание «ненужности» и «непокоренности»: *афганцы привыкли воевать, они всю свою историю воевали, успех их противников всегда*

был здесь относителен; Афганистан сам по себе никакой цены не представляет. Если этой страной и можно овладеть, то удержать ее в руках очень трудно, почти невозможно.

В публикациях присутствует и «цивилизационный мотив»: *мы попали в совершенно другой мир, в другой век — век феодализма.*

И при изображении войны 1904–1905 гг., и при изображении войны 1979–1989 гг. военная пресса подчеркивает жестокость противника: *зверская злоба зачастую идет рука об руку с наглостью, ложью. Добывая раненых, японцы лгут, отрицают несомненные, официально установленные факты... японские зверства наполняют горячим негодованием все народы России; в тюрьме по 8–10 часов ежедневно охранники заставляли учить фарси, заучивать наизусть суры из Корана, молиться. За любое неповиновение, за ошибки в чтении сур избивали свинцовыми дубинками до крови; это была средневековая, жестокая, адская пытка.*

Причины и цели обеих войн изображаются военной прессой как защита интересов России. В начале XX в. пресса фиксирует экспансионистские устремления Японии: *стремление Японии на материк с тесных для ее населения островов; Япония стала стремиться... к преобладающему влиянию на Дальнем Востоке, что поставило ее интересы вразрез с интересами России, имеющей на Дальнем Востоке свои вековые задачи; несмотря на миролюбие России, искренно желавшей избежать войны, несмотря на уступки, сделанные Японии, и слова Самого Государя, подтвердившего о желании сохранить мир, нужный для всей Европы, переговоры не привели ни к чему.*

Кроме того, оправдание конфликта военные журналисты видят в извечном, освященном историей стремлении России к морям и океанам: *это идет вразрез с интересами России, имеющей на Дальнем Востоке свои вековые задачи.*

Та же самая заинтересованность в безопасности российских границ усматривается в истоках и афганской войны: *Выбор у нас был таков: или мы будем иметь на нашей границе дружественное государство, или там придет к власти такой режим, что он станет для нас враждебным; Ликвидирована опасность американского присутствия в Афганистане.*

В афганской войне, кроме того, отмечается и такой повод, как помощь соседнему государству: *будем входить в Афганистан с целью оказания интернациональной военной помощи в защите завоеваний апрельской революции.* Этот мотив перекликается с обозначениями события в прессе: понятно, что если войска вошли в страну по просьбе правительства, войны с государством нет, а есть боевые действия иностранных войск на территории этого государства. Дискурс четко реагирует на специфику отражаемых событий.

Человек на войне

Парадоксальным образом совпадают оценки сражающихся на фронтах той и другой войны людей. В отношении российского солдата военная пресса обоих исторических периодов фиксирует два основных принципа: *эти люди кажутся совершенно неуместными на войне; эти люди проявляют героизм и стойкость*. Солдат русско-японской войны рисуется как пахарь, оторванный от своих повседневных мирных дел, ввергнутый в мясорубку войны и на этих «полях» осваивающий новое дело: *передо мной шли мужики-пахари, в армяках и лаптях... и в этом скорбном шествии оказывалось больше силы, чем в возбужденной и экспансивной толпе*.

Советский солдат афганской войны — это «мальчишка», тоже вынужденный научиться воевать: *на войну уходили вчерашние школьники, безусые мальчишки, которые гнулись под тяжестью рюкзака десантника, но не согнулись под душманским огнем, честно зарабатывая свои солдатские медали; ребята проявляли чудеса выдержки и мужества*.

В прессе нашего времени отмечается жестокость войны по отношению к молодым воинам: *а эти в подавляющей массе 20–22-летние ребята, которых орава чиновников направила в Афган, бросила и забыла, совершали подвиги*.

Воины противной стороны рисуются как опытные бойцы: *не испорченные чуть не тысячами томов положений, японцы читают очень внимательно, различают важное от неважного, первое зажимают крепко и применяют последовательно, а второе отбрасывают, маневрируют и охваты предпринимают, а ведь тому не поверили, что огнем можно отбить всякую атаку; отдал своим головорезам указание впредь русских в плен не брать и усилить охрану имеющихся; доводилось беседовать с командирами отрядов моджахедов. Упорные, жесткие бойцы, совсем неглупые люди*.

Внешнеполитическая ситуация

Обе войны проходили на негативном для России внешнеполитическом фоне, что затрудняло достижение страной целей военных кампаний. Противник российских войск получал политико-экономическую и дипломатическую поддержку из могущественных мировых центров силы. Военная пресса это улавливает и фиксирует, выражая отрицательную оценку происходящего: *за границей отголоски войны отражаются едва ли не ярче, чем у нас, и дают пока удобную почву для недругов России прославлять успехи Японии; эта никому, казалось бы, не нужная страна теперь вдруг оказалась в центре американской политики; экономическое давление на СССР со стороны Запада; бойкот Олимпиады-80*.

Современная наука подтверждает то, что журналист начала XX в. мог улавливать, например, по публикациям зарубежной прессы: «Агрессивную

политику Японии поддержали США и Англия, которые стремились усилиями японцев не допустить укрепления позиций России на Дальнем Востоке. К тому же, в 1902 г. был заключен военно-политический англо-японский союз, полностью развязавший Японии руки в ее захватнических устремлениях... Целенаправленное стратегическое содействие Вашингтона и Лондона военному усилению Японии позволило ей ускорить подготовку своих вооруженных сил к будущей войне с Россией»¹⁰.

Внутренняя ситуация в стране

Несмотря на нагнетаемый через официальные средства массовой информации патриотический подъем, обстановка в стране во время русско-японской войны складывалась неблагоприятно. Большие потери и неудачи войны привели к недовольству, которым воспользовались оппозиционные правительству силы, часто радикального характера. Их активизация разрушала российскую государственность, ослабляла возможности военной организации: «Равнодушие России к той кровавой борьбе, которую они вели в чужой стране за малопонятные интересы, не могло не поколебать сердца даже сильных воинов... Представители революционных партий чрезвычайно энергично принялись за работу, чтобы увеличить наши шансы на неудачи... Возникла целая подпольная литература, имевшая целью расшатать доверие офицера к своим начальникам, доверие солдата к офицерам, доверие всей армии к правительству»¹¹. Росло недовольство населения, несшего на себе основные тяготы войны, чиновниками и кругами, зарабатывавшими на войне огромные состояния.

Военная пресса не могла себе позволить слишком оппозиционных высказываний, но все-таки она не могла и полностью проигнорировать настроения протеста. Выливалось это в обличение тех, кто наживался на войне: *сколько людей набьют себе карманы и будут жить припеваючи в то время, когда многие защитники русской чести и русского достоинства ко-
стями своими покроют как щитом далекую нашу окраину у вод Тихого океана; солдата, отнявшего на войне у мирного жителя какого-нибудь поросенка, судят и расстреливают как мародера, а эти господа по большей части неуязвимы; корысть и жадность — качества, противные и в обычное спокойное время, неожиданно обнаруживаются теперь во всей своей
«красе».*

И оба дискурса отражают настроенность общества, и особенно интеллигенции, против войны: *странную картину представляет недоверчивость и способность видеть на своей стороне все худшее, а все лучшее на стороне врага; только идиотам из числа советских интеллигентов без разницы, кто стоит возле наших границ.*

Результаты войны

Военная пресса пытается разобраться, каков результат войны: победа или поражение? В отношении русско-японской войны вывод достаточно однозначен — поражение: *русско-японская война стала катастрофой для российского флота, фактически утратившего свою боеспособность на тихоокеанских просторах; в ходе военных действий Россия потеряла около 270 тысяч человек, в том числе около 50 тысяч — убитыми — это были очень тяжелые потери, потрясшие страну.* Мнения авторов публикаций, анализирующих результаты афганской войны, расходятся: *официальной войны в Афганистане не было, значит, не было победы, но и поражения, кстати, не было тоже; мы, советские люди, войну в Афганистане выиграли. Мы одержали и военную, и политическую, и психологическую победу.*

Будущее после войны

Следствием обеих войн стал системный кризис, поразивший государственный организм: *Для России поражение в войне означало катастрофическое нарастание протестных процессов в обществе, что проявилось как первая русская революция. Хотя к 1907 г. революционные выступления и были подавлены, от полученного удара царизм уже не оправился; Война в Афганистане стала одной из важнейших причин кризиса и распада Советского Союза. Тысячи и тысячи советских солдат не вернулись «из-за реки», десятки тысяч вернулись калеками, десять лет войны оставили глубокую психологическую травму в массовом сознании, не изжитую и сегодня.*

Мотив «война породила революцию» особенно активно разрабатывался в начале XX в., конечно, не военной прессой, а большевистской печатью. Приведем высказывание В. И. Ленина: «Военный крах, понесенный самодержавием, приобретает еще большее значение, как признак крушения всей нашей политической системы. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятно брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу»¹².

Кроме того, военная пресса, осмысливая опыт обеих войн, ассоциировала с ними международные события. Связываются русско-японская и Первая мировая война: *война с Японией ослабила Россию, поселила в ней синдром побежденного, который верхушка и попыталась преодолеть, ввязавшись в Первую мировую.*

Исход афганской войны связывается с активизацией террористической деятельности в мировых масштабах: *разворошили этот муравейник под на-*

званием терроризм не только в Афганистане, но и во всем регионе; присутствие советских войск в Афганистане отодвинуло опасность распространения международного терроризма почти на два десятилетия.

Таким образом, рассматриваемые дискурсы рисуют две локальных войны — войны за пределами России, войны, которые вызывали (и вызывают до сих пор) противоречивые оценки в обществе. Военная пресса рисует эти конфликты как столкновение двух культур, военные силы России изображаются как организация мирных людей для военного решения важных для государства проблем, в то время как враги выступают как профессионалы, в исчерпывающей мере владеющие искусством ведения боевых действий. Одинаково военная пресса и начала XX в., а еще более начала XXI в. обвиняют интеллигенцию в непатриотичных выступлениях, по сути в предательстве интересов собственной страны. Улавливают журналисты противоречивый характер развязки событий и влияние обеих войн на будущее государства. Таким образом, каждый из элементов концептосферы обогатился в потоке публикаций новыми смыслами, а прагматика дискурса определила характер оценок, в частности отсутствие ниспровергательных высказываний.

Сходство двух журналистских дискурсов перекликается с научными оценками событий: «Наша российская история знает ведь стойкую закономерность, когда войны внешние непременно вызывали революции внутри общества и страны. Так было после русско-японской войны, после первой мировой, так случилось теперь и после войны афганской»¹³.

¹ См.: Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 337.

² Там же. С. 338.

³ Кубрякова Е. С., Демьяков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90, 92.

⁴ Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М., 1998. Т. 1. С. X.

⁵ Там же. С. 488.

⁶ См.: Там же. С. 488–492.

⁷ Военно-энциклопедический словарь. С. 1354.

⁸ Там же. С. 338.

⁹ Там же. С. 1352.

¹⁰ Балакин В. И. Причины и последствия русско-японской войны 1904–1905 гг. // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 16.

¹¹ Куропаткин А. Н. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина: В 4 т. С.-Петербург; Варшава, 1906–1907. Т. 1. С. 44.

¹² Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 9. С. 153.

¹³ Котенев В. А. Неоконченная война. М., 1994. С. 214.

Статья поступила в редакцию 04.06.2007 г.